

СЕРИЯ КНИГ

БИБЛИОТЕКА

КЛАССИЧЕСКОЙ
И СОВРЕМЕННОЙ ПРОЗЫ

ГЕННАДИЙ ГОНЧАРОВ

ВОЙНА и
ДЕТСКИЕ ДУШИ

Геннадий Григорьевич Гончаров
Война и детские души
Серия «Библиотека классической
и современной прозы»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43115823

*Война и детские души:
ISBN 978-5-6042491-3-0*

Аннотация

События происходят в глубоком сибирском тылу во время Великой Отечественной войны. В рассказе «Начало войны» сообщение о ней настолько потрясает душу восьмилетнего мальчика, что он на всю жизнь запоминает все подробности первых дней войны. В повести «Погубленный талант» офицер Красной армии попадает в плен, а его родные объявляются «семьёй изменника Родины», лишаются хлебных карточек и вынуждены бедствовать. Мальчик из этой семьи Павлик Мешков обладает замечательным голосом и поёт перед очередями у магазина, вымаливая кусочек хлеба. Судьба его загадочна. Он уходит в детский дом в соседний посёлок, но по дороге исчезает...

Повесть рассчитана на широкий круг читателей. Впервые издавалась в 2014 г. и с одобрением встречена в Забайкалье.

Содержание

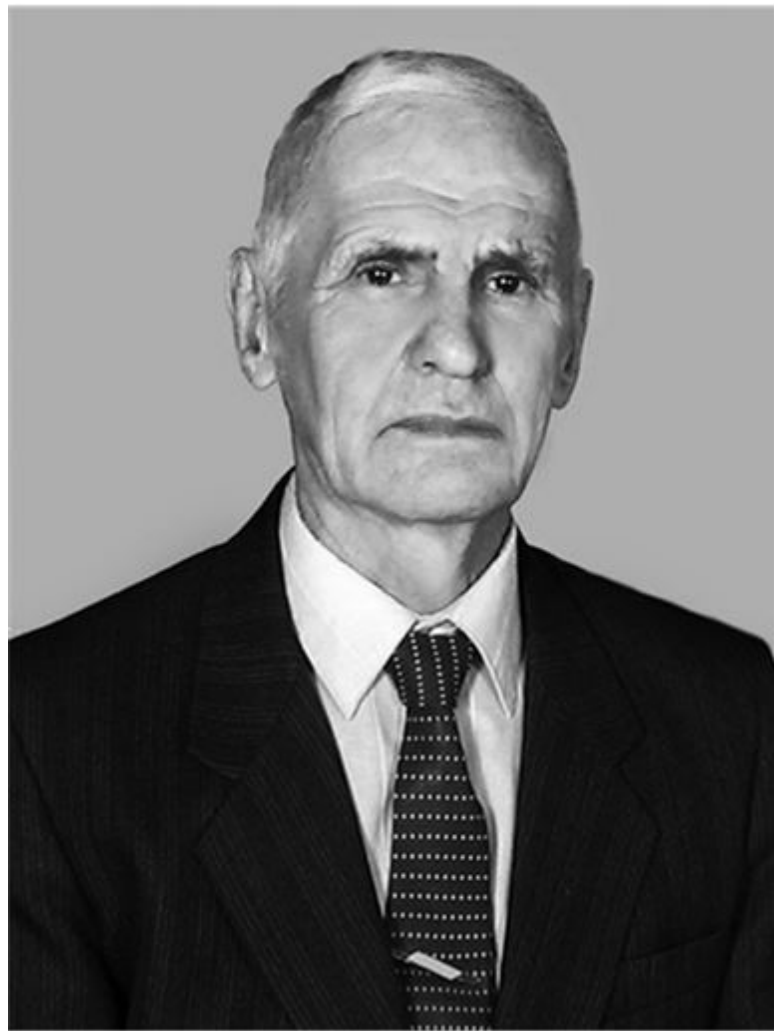
Об авторе:	7
Начало войны	8
Погубленный талант	30
Вступление	30
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Геннадий Гончаров

Война и детские души

© Геннадий Гончаров, 2019

© Общенациональная ассоциация молодых музыкантов,
поэтов и прозаиков, 2019

Гончаров Геннадий Григорьевич

Об авторе:

Гончаров Геннадий Григорьевич родился в 1933 г. в селе Красногорское Алтайского края в семье редактора районной газеты. Детство его прошло в таёжном Забайкалье. В 1950 окончил Усть-Карскую семилетнюю школу. Работал киномехаником в г. Нерчинске. В 1952–1956 годах служил на Тихоокеанском флоте. В 1962 г. окончил Хабаровскую спецшколу МВД РСФСР и стал работать следователем в транспортной милиции на Забайкальской железной дороге. Заочно в 1969 г. окончил юридический факультет Иркутского Госуниверситета. Из милиции ушел в адвокаты и заведовал юридической консультацией в Нерчинске. В 1971 г. был избран народным судьёй Нерчинско-Заводского района, а в 1976 г. – Александрово-Заводского района Читинской области. В 1980 г. в знак протеста против вмешательства партийных органов в деятельность правосудия подаёт в отставку...

В настоящее время живёт в Воронеже.

Начало войны

*Вся наша жизнь – труд и заботы
О возрождении страны.
Нас обошли награды, льготы,
Но Честь и Память нам нужны...*

Ольга Тихомирова. «Дети войны».

В 1941 году наша семья проживала в горном золотодобывающем посёлке Вершина Дарасуна Шилкинского района Читинской области, где мой отец был парторгом ЦК ВКП(б) на комбинате «Дарасун-золото». Посёлок располагался в живописной горной таёжной местности. Жили мы в отдельном добротном доме № 4 по улице им. Сталина. Мне в июле того года должно было исполниться восемь лет. Кроме меня у родителей было ещё двое детей: сын Валентин трёх с половиной лет и дочь Галя полутора лет от роду. Мы с Валеёй посещали детский сад. Я старшую группу, а брат – младшую.

Отцу было 38 лет, а матери – 29. Были они коренными сибиряками с Енисея.

С наступлением лета каждый выходной день отец на казённой бричке вывозил всю семью на живописную природу, где мы, набегавшись по цветущей поляне, отдыхали в тени дерева у костра и наслаждались душистым чаем из трав, а стреноженная, серая в «яблоках» лошадь паслась неподале-

ку и время от времени с фырканием взмахивала гривой и хвостом, отгоняя докучливую мошкарку.

Иногда она прекращала щипать траву и смотрела на нас своими умными карими глазами, словно хотела сказать: «Ну что? Отдохнули? А теперь пора и в обратный путь».

К вечеру мы возвращались домой, где мать, накормив нас, укладывала спать, а отец в это время отводил лошадь на конный двор комбината.

В выходной день 15 июня на природу нас отец не повёз. Вместо этого мы всей семьёй сходили в фотографию на базарной площади, где вежливый, пышноволосый кудрявый дядя, не иначе как родом из иудейского племени, попросил нас сидеть неподвижно и смотреть в коричневый ящик со стеклянным глазом, откуда, по его словам, должна была вылететь птичка. Совершив взмах рукой, дядя сказал: «Готово!» Но птичка так и не вылетела, чем Валя и Галя остались недовольны. Зато у каждого из нас осталась фотокартонка всей семьи последнего мирного воскресенья перед той страшной войной, перечеркнувшей наше счастливое детство...

22 июня на природу мы не поехали, а пошли с матерью на гуляние в парк около летнего клуба. Отца с нами не было. Примерно в 8 часов (по словам мамы), когда мы только собирались завтракать, зазвонил телефон. Я был рядом, ещё в одних трусах, но схватил трубку и по привычке, балуясь, сказал:

– Алё, квартира Гончаровых вас слушает.

И тут сквозь свист и шорох в телефоне прорвался строгий командирский голос, приказавший немедленно передать трубку отцу. Но он уже был рядом и, взяв трубку, изменился в лице, побледнел и только твердил:

– Так, так... – затем со словами: – Будет исполнено, Геннадий Иванович! Не сомневайтесь! – повесил трубку и крутанул ручкой отбой.

Надо сказать, что телефон того времени имел ручку, которую надо было крутить, чтобы вызвать телефонную станцию и начать разговор.

Постояв неподвижно несколько секунд, он снова покрутил ручку и потребовал от телефонистки срочно соединить его с директором комбината Жиряковым. Тот ответил сразу и отец, поздоровавшись, сказал:

– Отдых отменяется. Ожидается важное правительственное сообщение из Москвы... Да, наверное, уже началась или начнётся с минуты на минуту. Такое в истории всегда происходило перед рассветом... Необходимо срочно собраться в парткоме. Да, да! Сообщение придёт по нашей линии. Жду вас с главным инженером и с начальником техснаба. Поручите своему заму Левандовскому немедленно собрать в управлении руководителей всех уровней. Что?! Если понадобится, то пусть сидят и ждут весь день! И не важно, где они сейчас находятся: за столом, или ещё в постели, или в сортире, – перешел на строгий тон отец и добавил: – И без паники! Пусть

думают, что это обыкновенные учебные сборы. И ещё один момент. Обком рекомендует перевести вашу радиостанцию на круглосуточный режим работы в секретном диапазоне и взять под охрану. Через час она должна выйти на связь с трестом

«Союззолото». Начальнику милиции я всё объясню сам, как большевик большевику.

После этих слов он позвонил в милицию и попросил дежурного немедленно найти начальника и объявить повышенную готовность, назвав номер какого-то там пароля.

Таким собранным, спокойным и решительным я видел его впервые. «Ну вот, – подумал я, – теперь и мой папа стал настоящим красным командиром». И сердце моё наполнилось гордостью, что у меня такой отец.

После таинственных для нас разговоров отец сразу же отвёл маму в другую комнату и что-то стал ей говорить полупрошепотом. До меня донеслись слова мамы:

– А может, обойдётся? Ведь у нас же с ними пакт о ненападении!

Что он ей ответил, я не расслышал. Потом папа вынул из комода пистолет «Браунинг», осмотрел его и положил в портфель; поцеловал всех нас поочерёдно, начиная с Гали, и ушёл, так и не позавтракав. Но мама успела дать ему бутерброд из двух кусков хлеба со слоем масла между ними и кусок сахара. Я, предчувствуя какую-то беду, побежал босиком проводить его до ворот.

В это время у наших ворот остановилась повозка, в которой на заднем сиденье сидел начальник поселковой милиции в белой гимнастёрке. На боку желтела кобура нагана со свисающим ремешком. Он соскочил на землю, оправил поясной ремень, козырнул папе и поздоровался с ним за руку. У обоих были строгие, сосредоточенные лица. Они быстро уселись в повозку, продолжая о чём-то разговаривать. На переднем сиденье, держа в руках вожжи, сидел милиционер тоже с наганом на боку. Вот он взмахнул над головой вожжами, и лошадь понеслась рысью вдоль по улице имени товарища Сталина в ту сторону, где были столовая, партком, больница и серый особняк директора комбината Жирякова. Редкие прохожие останавливались, смотря им вслед и покачивая головой, а затем, ускоряя шаг, шли дальше по своим делам.

Я, вернувшись домой, спросил у мамы: кто же такой этот человек с именем Гена, как у меня, который разговаривал с папой? Она ответила, что это был секретарь Читинского обкома партии Воронов, а остальное мне пока не следует знать, не то быстро состарюсь. В её словах чувствовались тревога и смятение. Но всё же после завтрака она повела нас в парк через весь посёлок, да ещё в гору, неся Галю на руках, а мы с Вале́й шли рядом, взявшись за руки. Яркое солнце светило на безоблачном небе, в котором каруселью кружились стрижи, чьи отдельные крики сливались в ритмичные общие звуки: «вжиу, вжиу, вжиу-у». Прекрасное и незабываемое зрелище!

Будучи уже взрослым, я, вспоминая тот день, сопоставил время звонка из обкома. У нас было 8 часов утра, а в Москве – 2 часа ночи. До нападения Германии оставалось два часа. Следовательно, сообщение ЦК партии областным и республиканским органам на места о возможном нападении было отправлено между полночью и часом ночи. И кто-то же взял на себя ответственность сообщить об этом всему партийному руководству до самых низов? Выходит, что в глубоком тылу о войне узнали раньше, чем в некоторых военных округах, за исключением военно-морских сил. Но оставим эти доводы историкам и вернёмся в тот воскресный июньский день, вошедший в Историю печальной и трагической датой.

Смутно помню, как мы сидели на скамье на аллее. На летней эстраде духовой оркестр играл вальсы и марши, а в киосках торговали морсом и мороженым. Мы с Валеёй ели мороженое, а мимо нас прошла компания парней и девчат с гитарой, распевая романс Полонского:

*Мой костёр в тумане светит,
Искры гаснут на лету.
Ночью нас никто не встретит,
Мы простимся на мосту...*

Но в какой-то момент всё изменилось и веселье закончилось. Людьми, да и нами тоже, овладела тревога, и все стали расходиться, а некоторые вообще побежали. Оркестр перестал играть, и его словно сдуло с эстрады. И мы тоже покину-

ли парк и ускоренным шагом пошли домой. Дорога шла под гору. Я старался доесть мороженое на ходу, а Валя хныкал, что не может идти быстро, и я за руку тянул его за собой. Из-за горы ползла огромная, чёрная, с лохматыми краями туча. Клубясь и расширяясь, она накрыла полнеба и поглотила солнце. Сразу же дохнуло холодом и подул ветер. Закачались с шумом деревья. Сверкнула молния, вырвав из полумрака искаженные лица людей, и раздался продолжительный грохот неслыханной силы. Казалось, что по металлическому небу катятся огромные каменные валуны, издавая треск и скрежет. Туча, продолжая метать огненные стрелы, накрыла всё небо. Стали падать первые крупные капли дождя. Но мы успели добежать до базарной площади и укрылись под навесом торгового павильона. Сестрѐнка Галя вскрикивала с каждым ударом грома и не переставала плакать, а мама успокаивала её, прижав к груди. Мы с Вале́й прижались к ней с двух сторон, обхватив руками её тёплые, согревающие нас бѐдра.

Дождь закончился так же быстро, как и начался. Туча, цепляясь краями за окрестные горы, уплыла дальше в сторону Нижнего Стана. Выглянуло солнце и обогрело нас своими лучами. Мы повеселели и, обходя лужи, продолжали быстро идти домой.

Когда мы проходили мимо здания почты и телеграфа, то я обратил внимание на то, что там на крыльце и рядом с ним стояла группа людей с выражением тоски и тревоги на лицах.

Люди, в основном женщины, продолжали подходить и занимали очередь. Чувствовалось, что какая-то страшная весть вынудила их сорваться с места и придти сюда, чтобы позвонить или послать телеграмму своим родственникам, несмотря на выходной день.

Какая-то женщина окликнула маму и, подойдя к нам, спросила:

– Мария! Ты знаешь, что началась война? Ты же как-никак жена партийного начальника!

– Да какая война? Что ты такое говоришь? Наверное, очередная провокация. А муж с утра ушел на работу и ничего не говорил.

– Да нет, не провокация. Я получила телеграмму-«молнию» от сестры из Киева, что их в четыре часа бомбили немцы.

– Ой, дети! Идём скорее домой, – обратилась к нам мама, и мы почти побежали домой.

Дома мама включила радио, но про войну сообщений не было, а только звучали песни, и среди них «На закате ходит парень возле дома моего». Мы пообедали, и я стал собираться на улицу, как позвонил отец и попросил маму принести ему забытый им какой-то там ключ. Она сказала, что сильно устала и отправит ключ со мной. Порывшись в комод, она достала большой фигурный ключ на кожаном шнурке и, повесив мне его на шею, застегнула рубашку, чтобы он не был виден, а затем послала к папе в партком и наказала, чтобы

я ни с кем не вступал в разговоры и берёг ключ, от которого зависит папина судьба. Я взял в руку свёрнутую в трубку газету, чтобы отбиваться ею от назойливой мошкеры, появлявшейся как по расписанию во второй половине дня, и, махая ею вокруг головы, отгоняя эту мошкату, быстро побежал к зданию, где располагались партийный и профсоюзный комитеты.

До него расстояние от нашего дома было не более двухсот метров. Ранее я там бывал часто и в читальной комнате разглядывал журналы «Огонёк» и альбомы с портретами революционеров. Особенно мне нравилась большая настольная, в красном переплёте книга «История гражданской войны в СССР» с множеством фотографий. Читать для меня не составляло труда, так как я этому научился с четырёхлетнего возраста, начиная с заголовков газет.

Итак, я прибежал и сразу вошел в кабинет с табличкой на двери: «Парторг ЦК ВКП(б) т. Гончаров Григорий Родионович». Отец сидел за столом и о чём-то беседовал с группой каких-то ответственных лиц. Но директора комбината там уже не было. Зато сидел его заместитель Левандовский с кипой бумаг. Папа извинился и вышел со мной в коридор, где я отдал ему ключ. (Через двадцать лет отец мне рассказал, что это был ключ от сейфа, в котором хранился секретный мобилизационный план на случай войны. Второй экземпляр такого плана хранился в секретной части комбината.) Зазвонил телефон, и папа, зайдя в кабинет, взял трубку.

– Ну наконец-то! – воскликнул он, положил трубку и, обращаясь к соратникам, сказал: – Идём быстрее в актовый зал слушать радио! Выступает товарищ Молотов.

Все почти бегом кинулись в актовый зал, и я, снедаемый любопытством, поддавшись общему настрою, побежал за ними. В зале уже были люди, и среди них милиционер и ещё два незнакомца в военной форме. Под портретом Сталина на стене был закреплен круглый чёрного цвета радиорепродуктор, из которого доносились слова, что фашистская Германия вероломно напала на Советский Союз. Отец слушал стоя, повернувшись к радио правым ухом, раскрыв рот и вытянув шею. Да и остальные не сидели на скамьях, а стояли с суровыми лицами. Глаза отца блестели, и временами он слегка кивал головой в знак согласия с оратором. Как бывший военный разведчик и профессиональный журналист, он пытался запомнить каждое слово. Лично я многое забыл, но запомнил следующие слова: «Наше дело правое. Враг будет разбит, Победа будет за нами!» Особым ударением оратор выделил слово «ПОБЕДА». Через день эта фраза появится на многих плакатах, а позже – на почтовых марках и на коробках со спичками.

Речь закончилась, и в эфире наступило молчание, а потом зазвучала популярная в то время песня «Если завтра война». К празднику 1 Мая мы, дети из старшей группы детского сада, разучили её и исполнили по местному радио. Звучала она почти каждый день, как на областном, так и на общесоюзном

радио. Добавляю об этом в воспоминания для полноты оценки читателем происходивших событий и для понятия им той моральной атмосферы, в которой мы жили.

Отец, вернувшись в кабинет, позвонил кому-то, что митинг состоится в шесть часов, и отправил меня домой, сказав, что придёт не скоро, а может, и не придёт до утра.

– Война, сынок! Над нашей страной нависла смертельная опасность, – сказал он на прощание и, обняв, поцеловал меня в щеку, а затем вернулся за свой стол и продолжил совещание.

Я шел домой сначала в подавленном настроении, а потом стал напевать сам себе песню «Если завтра война» и мысленно представил, как в небе летят самолёты, по полю идут танки со звёздами на башнях и мчатся лихие пулемётные тачанки, от которых разбегаются немцы. В моём мозгу с огромной скоростью прокручивалась вся полученная мною ранее из книг, журналов и кино информация о непобедимости Красной Армии. Всё это и к тому же речь Молотова вселяло в меня уверенность в нашей победе.

Затем я стал думать, что вот приду домой и расскажу маме, что слушал речь одного из наших вождей, товарища Молотова. Но тут я обратил внимание на то, что все улицы были пусты. Люди будто вымерли. И даже солнце исчезло среди туч. И не таякала ни одна дворовая собака. Удивительно, но факт. Стояла мертвящая тишина.

Уже подходя к дому, я встретил лишь одного человека,

своего сверстника Колю Морозова, жившего наискосок от нас, который сказал:

– Ну, Генка, теперь нам конец! – и, помедлив, добавил: – Гитлер напал!

– Ну и что же, что напал, – ответил я спокойно. – Красная Армия разобьёт и Гитлера, и всех, кто к нам сунется. Как япошек на Хасане.

– А вот и не разобьёт. Гитлер захватил всю Европу, и его не одолеть. У него самая сильная армия в мире. Так мой папа сказал.

– Паникёр и трус твой папа, а ещё он враг народа, – ответил я и пошел домой, чувствуя своё превосходство над ним в информированности, но в душу всё-таки закралось сомнение в нашей победе.

Через неделю отец Коли, служивший пожарником, ушел на фронт, и к Новому году на него пришла «похоронка», как и на многих других земляков, призванных в первые дни войны. А мне и сейчас стыдно перед Колей за высказывание о его отце как о

«враге народа». Но что поделаешь? Тогда это слово было уж слишком популярным и вместе с тем зловещим. Чуть что не так – «враг народа», и поминай как звали.

В шесть часов вечера на площади перед управлением комбината состоялся митинг, на котором выступал отец, директор комбината и ещё какие-то не известные мне люди. Некоторые предлагали записать их добровольцами на фронт. Об-

щий настрой был таким, что немцев мы к осени разобьём. Тем же вечером строгим голосом диктора Юрия Левитана по радио был передан Указ о мобилизации. Отец вернулся поздно ночью, но я этого не слышал.

С утра следующего дня по радио стали передавать сводки Совинформбюро. О первом дне войны сообщили, что немцы отброшены на всём протяжении государственной границы и наши войска взяли в плен пять тысяч пленных.

Но вскоре тон и тема сообщений изменились. Тревожный голос диктора сообщал примерно так: «После упорных и продолжительных боёв наши войска оставили город такой-то». А то и несколько городов. От таких сообщений на душе появлялось подавленное настроение.

Отец повесил в комнате на стене рядом с радиодинамиком карту Европейской части СССР и стал на ней кружочками отмечать сданные врагу города. В конце месяца он отметил Минск и сказал самому себе: «Это уже пахнет катастрофой». Значения этого слова в то время я ещё не понимал, но подумал, что это тоже очень плохо.

На другой день неподалеку от нас на территории

Горно-спасательной части появилось две или три грузовых машины. Их кузова заполнили мужиками. В воздухе стоял громкий стон. Вот машины двинулись и стали набирать скорость, а за ними бежали и что-то кричали женщины и подростки. Некоторые из них падали, но, поднявшись, продолжали бежать, пока машины не скрылись в дорожной пыли

за обогатительной фабрикой. И так продолжалось несколько дней.

Третьего июля я, как обычно, был с Валею в детсаде. Во второй половине дня, когда заканчивался «мертвый час», воспитательницы всполошились и забегали со словами о Сталине. В одной из больших комнат было радио и около него собрались все работники и кое-кто из детей старшей группы, в том числе и я. Стояла гробовая тишина, и в ней звучала речь Сталина. Я слушал её от начала и до конца. Он говорил не торопясь, спокойно и уверенно, отчеканивая каждое слово. У многих на глазах были слёзы. Я запомнил многие его фразы о том, что враг занял всю Прибалтику, Белоруссию и значительную часть Украины, что надо создавать партизанские отряды, взрывать и сжигать всё, что невозможно вывезти, и рассказал об этом дома. Мама сказала, что она тоже слушала эту речь и поняла, что эта война будет тяжёлой и долгой. А ещё добавила, что Сталин говорил доходчиво, на русском языке, хотя по рождению был осетином, а вовсе не грузином, как об этом было принято считать.

Вскоре стали приходить сообщения о зверствах немцев на захваченной территории и появились первые «Боевые кино-сборники» с участием популярного артиста Бориса Чиркова, где наши умные бойцы одолевали глупых гансов и фрицев.

Утром первого сентября отец отвёл меня в первый класс начальной школы. По пути в столовой он купил для меня две пышки, чтобы было чем подкрепиться на перемене. Но

вскоре была введена карточная система на продукты и пышки из продажи исчезли, как и многое другое. Началось недоедание, а с ним в общество пришли и болезни: коклюш, чешотка, педикулёз и фурункулёз. Не минула и меня эта беда, всё тело покрылось чирьями, а Валю до полусмерти забивал проклятый коклюш. Заходясь в кашле, он синел, падал на пол и корчился в муках. И с этим ничего нельзя было поделать. Лекарств от коклюша не было, и лечили его настойками из трав. Из аптечных лекарств были только йод, вонючая ихтиоловая мазь, стрептоцид, касторка и рыбий жир, да и тот незаметно исчез, поскольку его использовали для жарки картофеля и овощей.

В школе на большой перемене каждому ученику давали по булочке, на которые собирали по пять копеек, а также по тарелочке горячей каши за счёт средств профкома комбината. Раздавать кашу поочерёдно приходили наши мамы. При некоторых из них были маленькие дети, которых невозможно было оставить дома. Их подсаживали к старшему брату или сестре на колени, и они вместе ели кашу из одной тарелочки, а затем поочерёдно её вылизывали.

К ноябрю в нашей школе разместился госпиталь для раненых фронтовиков. Нас же перевели в среднюю школу, и заниматься там стали в три смены.

На уроках пения стали разучивать новые военные песни, и в первую очередь песню «Вставай, страна огромная!». И, конечно же, «Синий платочек», начинавшуюся словами:

*Двадцать второго июня, ровно в четыре часа,
Киев бомбили, нам объявили, что началась война.*

По моему глубокому убеждению, это была одна из самых популярных песен военного времени.

Отпуска на комбинате были отменены. Везде висели плакаты с лозунгами «Всё для фронта! Всё для победы!». Отец редко появлялся дома, большую часть времени находился в шахтах и на обогатительной фабрике, а маме говорил, что его задача – это дать стране как можно больше золота.

На введение карточной системы на продукты, особенно на хлеб, население посёлка отреагировало не только с недовольством, но и с присущим нашему народу юмором. Так, в общественной уборной около столовой комбината на стене сначала появился такой рисунок: за столом вполоборота сидит толстый дядя с растянутой гармошкой на коленях. С другой стороны впритык сидит очкарик и что-то пишет. А в стороне в пляске изображен ещё один. Через день под рисунком появился текст такого содержания:

*Жиряков в гармонь играет,
Джумм ударил гопака,
А Гаранин сидит, пишет:
Двести грамм на едока.*

Позднее к рисунку добавились комментарии, в том числе

и непристойного содержания. Надо сказать, что в те времена общественные туалеты, наряду с основной своей функцией, выполняли роль Интернета, где люди свободно выплёскивали в «эфир» свои мысли и соображения по поводу того или иного события. Так что свобода слова процветала и в сталинские времена, но в своеобразном виде. Позднее от отца я узнал, что Джумм был главным инженером, а Гаранин – директором отделения «Золотопродснаба».

С весны 1942 года все стали садить картофель как единственное подспорье избежать голода. Для этого использовались любые свободные участки земли. И мне пришлось изведать тяжёлый сельский труд.

Все наши надежды на скорую победу развеялись как дым и целых четыре года мы жили надеждой, что всё-таки одолеем немцев. За это время мне пришлось повзрослеть не по годам и ко мне пришло то понятие, которое принято называть мудростью.

Но были радости и ликования. Первой такой радостью стало сообщение о разгроме немцев под Москвой. Второй радостью стало сообщение о Сталинградском «котле». Затем были Курская дуга и начало освобождения Украины. Далее успешный 1944 год с его знаменитыми десятью «сталинскими ударами».

Наградой за все лишения нам стал май 1945 года. Но об этом я поделился с читателем в повести «Погубленный талант».

У отца к его сорокалетию в 1943 году уже посеребрились виски, а в 1945 году он был седым уже наполовину. Сказалось нечеловеческое напряжение военных лет. Да и скончался он так и не дожив до «счастливой» старости. Отраднo одно: в основание нашей общей Победы и им был положен свой кирпичик. Теперь его образ занимает достойное место в Бессмертном полку.

Брат и сестра, подорвав своё здоровье в военные годы, прожили недолго. Валя, красавец мужчина, вылитая копия отца по внешности и по характеру, заслуженный мастер профтехобразования РСФСР, скончался в Москве от инсульта в возрасте 46 лет. Галя ушла из жизни в 53 года. А мама скончалась на девяносто втором году жизни, оставив мне в наследство, как старшему из детей, крепкое сибирское здоровье.

В какую же цену обошлась нашему народу победа в этой войне? Существует много источников, данные в которых существенно разнятся по людским и материальным потерям.

Официальные данные о демографических потерях – 26 миллионов 600 тысяч человек. Из них 20 миллионов – мужчины.

Численность мирного населения, истреблённого фашистами и их приспешниками на оккупированной территории СССР, – 7 миллионов 400 тысяч. Из них 217 тысяч детей. 5 миллионов 269 тысяч 513 советских граждан насильно вывезены на работы в Германию. Число преждевременно умер-

ших от воздействия оккупационного режима составляет не менее 4 миллионов 100 тысяч человек. Данные о преждевременной смерти (особенно детской) в тылу отсутствуют. Их либо вообще нет, либо они строго засекречены. Общее число жертв среди мирного населения – 13 миллионов 700 тысяч. Военными трибуналами осуждено около 1 миллиона солдат и офицеров Красной Армии за трусость, отступление без приказа, мародёрство, измену, «самострелы», антисоветскую агитацию, дезертирство и проч. Из них расстреляно 135 тысяч, направлено в штрафбаты 423 тысячи, посажено в лагеря 437 тысяч.

В статье Б. Соколова «Сведение счётов» (журнал «Вокруг света» № 1 2012 г.) приводится ужасающая статистика соотношения потерь СССР и Германии. Общее число погибших и умерших: СССР – 43 448 000 человек, Германия – 5 950 000 человек.

В том числе: а) гражданских лиц: СССР – 16 900 000, Германия – 2 000 000; б) военнослужащих: СССР – 26 548 000, Германия – 3 950 000.

Президент Международного центра по розыску и увековечиванию памяти защитников Отечества генерал-полковник Кашурко в статье «Выстрадавшая Победа» приводит следующие данные. Ранено – 46 млн. 250 тыс. человек. Вернулись домой – 775 тыс. чел. с разбитыми черепами. Одноглазых – 155 тыс. Слепых – 54 тыс. С изуродованными лицами – 501 342 чел. С кривыми шеями – 157 565 чел. С разорванными

животами – 444 046 чел. С ранениями в области таза – 630 259 чел. С оторванными половыми органами – 28 648 чел. С повреждёнными позвоночниками – 143 241 чел. Одноруких – 3 147 000 чел. Безруких – 1 млн. 10 тыс. Одноногих – 3 млн. 255 тыс. Безногих – 1 млн. 121 тыс. С частично оторванными конечностями – 418 тыс. 905 чел. Полностью безруких и безногих, так называемых «самоваров», – 85 тыс. 942 чел.

По немецким источникам, СССР потерял в войне 30 миллионов человек.

В пригородных поездах, на вокзалах, базарах, в портах и даже у кладбищенских ворот попрошайничали сотни тысяч калек из числа фронтовиков. Это в 1946 году поэтесса Анна Баркова отразила в стихах о бедах воинов-победителей. Позволю себе процитировать несколько строк из её «Песни победителей»:

*...Запотевшие и шершавые,
Шли мы Прагой, Берлином, Варшавою.
Проходили мы, победители,
Перед нами дрожали жители.
Воротились домой безглазые,
Воротились домой безрукие,
И с чужой незнакомой заразою,
И с чужой непонятной мукою,
И в пыли на базарах сели,
И победные песни запели:*

*Пожалейте нас, победителей,
Поминаючи ваших родителей...*

В памяти нашего поколения эта война осталась навсегда, и её оттуда ничем не вырубить. Как мне кажется, исходя из многих данных, она даже повлияла в худшую сторону на генетический код нашего народа. Нечеловеческие лишения и величайшее нервное напряжение сделали своё дело:

после войны появилось поколение, уступающее довоенному в любознательности и умственном кругозоре, нравственности и моральных устоях, а главное – в физическом и психическом здоровье и долголетию.

В 1965 году я посетил Усть-Карск, где в 1950 году окончил семилетнюю школу. Наша бывшая преподаватель биологии и химии Августа Максимовна Цивинская, беседуя со мной, сказала так:

– Ты знаешь, Гена, я всё сравниваю нынешнее поколение учеников с вашим. Вы, несмотря на войну и связанные с нею лишения, как голод, холод, плохая одежда и тяжкий труд, в домашнем хозяйстве, да и в колхозе на воскресниках и в школе на заготовке дров – всё-таки были бойкими, подвижными и очень любознательными. И к тому же шаловливыми. Вспомни, как и тебя приходилось удалять с уроков за шалости. Но зато какие великолепные у тебя были знания! А как вы любили нашу природу! Проводили на ней всё свободное время. А современные ученики совсем другие. В них мень-

ше энергии, они уже не шалят на уроках, как вы когда-то. У них не блестят глаза так, как блестели у вас. За партой сидят будто пришибленные. В них с детства заложен внутренний страх и нет той раскованности, что была у вас. Я не говорю, что они хуже или глупее вас. Они тоже умные, но по-своему. Но они уже другие, менее активные. В них нет той, вашей живинки. Вот это меня и тревожит как биолога. Что же с ними будет?! А главное, что будет с их детьми и внуками? И вообще, чем это откликнется в будущем?!

На этой тревожной ноте позвольте мне закончить свой рассказ. Живите и радуйтесь каждому новому дню!

Погубленный талант

Повесть-быль

*Не говорят о нас, не пишут,
А мы участники войны.
нашу боль никто не слышит,
Как будто нет уж той страны...*

О. Тихомирова. «Дети войны».

Вступление

Детство моё совпало с военным лихолетьем. Когда началась война, мне исполнилось восемь лет и я пошёл в первый класс в посёлке Вершина Дарасуна Читинской области, где мой отец был парторгом ЦК ВКП(б) на комбинате «Дарасунзолото». Принадлежал он к новому поколению партийных управленцев, не обременённых идеей «мировой революции» и пришедших на смену старой ленинской гвардии, уничтоженной Сталиным в результате кровавых чисток тридцатых годов. Назначен он был на этот ответственный по тем временам пост в конце 1939 года в возрасте 36 лет, после совещания в ЦК ВКП(б), где в числе других получил личное напутствие секретаря ЦК Маленкова Г. М. Стране для

укрепления обороны требовалось всё больше золота, а поэтому отец дома почти не бывал, постоянно находясь на производстве, то в шахтах, то на обогатительной фабрике. Изредка появляясь, он успокаивал маму и меня и, сверкая своими карими глазами, восклицал: «Мы им ещё покажем кузькину мать! Победить Россию невозможно!»

Затем поочерёдно брал на руки и целовал моего пятилетнего брата Валю и двухлетнюю сестрёнку Галю. Меня же гладил по голове и приговаривал: «Будь умницей и слушай маму, если со мной что случится!» Что он имел в виду, оставалось только догадываться.

Осенью ввели карточную систему. Исчезли многие продукты, началось постоянное недоедание. Временами казалось, что чувству голода не будет конца. В некоторой степени выручала матушка-природа – на склонах окружавших посёлков гор поспел шиповник, и я со сверстниками после уроков бегал собирать его ярко-красные и сладкие плоды. А весной сорок второго года все стали садить картофель как спасительное средство от голода и основной источник питания.

В 1943 году наша семья переехала в посёлок Усть-Карск, куда отца направили на должность второго секретаря райкома партии взамен прежнего руководства, которое за невыполнение плана заготовок хлеба было отдано под суд с отправкой на фронт. Суровое время требовало и суровых мер ко всем, невзирая на должности и звания. Поэтому все чиновники любого ранга постоянно тряслись от страха за своё

будущее.

В самый разгар забайкальского жаркого лета, в начале июля, проехав по живописной лесостепи на полуторке с нехитрым скарбом до Сретенска, а затем по реке Шилке на судне «Газоход № 2», мы выгрузились на Усть-Карской «новой» пристани в так называемом микрорайоне «Новостройка». На подводе конюх райкома Фролов, инвалид войны с простреленной челюстью, постоянно всхлипывающий и глотаящий слюну, довёз нас до нашего дома, где всё было столь непривычно по сравнению с прежней жизнью. Меня удивлял и большой, весь в зелени, огород с непривычным забором из «тычек», и колодец, расположенный через дорогу, с воротом и намотанной на него цепью с ведром и деревянным срубом, на дне которого зеркальная гладь воды излучала тишину и таинственность, порождая в душе трепетное чувство связи с природой.

Впоследствии, когда у меня было плохое настроение или кто-нибудь меня обижал, то я непременно приходил к колодцу и подолгу смотрел в своё отражение на его зеркальном дне, затем громко ухал в пустоту и в ответ слышал вздох, снова ухал и снова слышал вздох, после чего у меня появлялось бодрое настроение. Так неожиданно я для себя сделал открытие, что если тебе плохо, то надо смотреть на воду, и тогда появится хорошее настроение. Впоследствии я не раз убеждался в этом и, выматываясь на тяжёлой нервной работе, требующей высочайшего напряжения душевных и ум-

ственных сил, отдыхал у водоёма, будь то река, озеро или журчащий ручей. Видимо, энергия, присущая водной стихии, каким-то образом взаимодействует с водой, находящейся в организме, приводя её в определённый порядок, восстанавливает нервное и душевное равновесие и снимает умственную усталость. Не потому ли люди, живущие на берегу моря или у реки, более спокойны и уравновешенны, чем те, кто живёт в степях или в полупустынной местности?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.